

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Е.Ю. Куликова

Институт филологии СО РАН, Новосибирск

Всероссийская научная конференция с международным участием «Сюжетно-мотивная динамика художественного текста» (Новосибирск, 14 – 16 мая 2013 года)

Аннотация: Всероссийская научная конференция с международным участием «Сюжетно-мотивная динамика художественного текста» проходила 14–16 мая 2013 г. Основными научными направлениями конференции были следующие: сюжет как базовое понятие нарратологии, мотивный анализ, история русских и западноевропейских сюжетов, литература и история, эволюция жанров в русской литературе.

All-Russian scientific conference with international participation «The Plot and motif dynamics of literary text» took place in Novosibirsk on May 14–16, 2013. The main scientific directions of the conference were: the plot as the basic concept of narratology, motif analysis, the history of Russian and West European plots, literature and history, evolution of genres in Russian literature.

Ключевые слова: сюжет, мотивный анализ, литература и история, эволюция жанров, нарратология.

Plot, motif analysis, literature and history, evolution of genres, narratology.

УДК: 821

Контактная информация: Новосибирск, ул. Николаева, 8. ИФЛ СО РАН, сектор литературоведения. Тел. (383) 3304772. E-mail: kulis@mail.ru.

Всероссийская научная конференция с международным участием «Сюжетно-мотивная динамика художественного текста», организованная сектором литературоведения ИФЛ СО РАН (г. Новосибирск), проходила 14–16 мая 2013 г. В работе конференции принимали участие как ученые сибирского региона (Новосибирск, Томск, Красноярск, Иркутск, Кемерово, Новокузнецк, Барнаул), так и филологи, приехавшие из Москвы, Иваново, Ясной Поляны, Екатеринбурга, Перми. Кроме того, с докладами выступали гости из Литвы и Италии.

14 и 15 мая состоялись пленарные заседания в Доме Ученых Академгородка, заключительный день – 16 мая участники конференции провели в Институте филологии СО РАН, где работали 2 утренние и 2 вечерние секции.

Концептуальная направленность конференции включала следующие аспекты изучения литературы:

- сюжет как базовое понятие нарратологии;
- эпический и лирический сюжет: автономность и взаимосоотнесенность;
- мотивный анализ лирических и эпических произведений;
- история русских и западноевропейских сюжетов;
- литература и история: сферы взаимодействия и типы повествования;
- эволюция повествовательных жанров в русской литературе.

Каждое заседание было выстроено в хронологическом порядке, что

позволило ученым послушать и обсудить доклады, связанные с разными литературными эпохами: от древнерусской литературы (для которой, кроме того, была отведена отдельная секция 16 мая) до литературы XXI в. Анализ сюжетов и мотивов русской и западноевропейской литературы сочетался с проблемами соотношения литературы и истории в художественном пространстве, анализом жанровых особенностей рассматриваемых произведений и выделением интертекстуальных связей между ними.

Конференцию открыл доклад *И.Л. Багратион-Мухранели* (Москва) «Трансформация мотива “плена” в произведениях на кавказскую тему. Сюжет и хронотоп». Исследовательница рассуждала о том, что тема пленения героя не являлась сюжетообразующей в произведениях преромантизма на кавказскую тему («Черный год или Горские князья» В.Т. Нарезного). Под влиянием повести Ж. де Местра и поэмы Байрона «Шильонский узник» изобилующая похищениями и пленениями кавказская действительность была отражена в русской классической литературе. Поэма А.С. Пушкина «Кавказский пленник» положила начало использованию мотива плена у М.Ю. Лермонтова, Л.Н. Толстого, в массовой литературе XIX века (Н. Зряхов, Д.Л. Мордовцев) и получила завершение в «Хаджи-Мурате».

В докладе *Э.М. Афанасьевой* (Кемерово) «“Боже! Царя храни!” в русской лирике XIX – начала XX в.» говорилось о том, что после публикации «Молитвы Русских» В.А. Жуковского в «Сыне отечества» (1815) мотив «Боже! Царя храни!» во многом определил патриотическую проблематику русской лирики. В 1833 г. «Молитва русского народа» стала первым национальным гимном России. Реакция современников на лирическую ситуацию молитвы за царя была связана с попыткой творческого диалога с текстом Жуковского. Уже к 1816–17 гг. вводятся дополнительные строфы, а стихотворение исполняется на музыку британского гимна «God save the King». В 1820-е гг. на волне декабристских настроений появились политические пародии (например, А. Уткина). Пародирование в большинстве случаев было связано с переделкой тематики молитвенных прошений (Н. Языков, Н. Клюев). После переворота 1917 г. переложение «Боже! Царя храни!» восстанавливает исконную лирическую ситуацию молитвы за царя, что усиливает ощущение трагичности исторических перемен (С. Бехтеев).

В докладе *Е.К. Созиной* (Екатеринбург) «История и миф в творчестве Каллистрата Жакова (1900 – 1910-е гг.)» был воссоздан основной миф, разворачивающийся в творчестве К.Ф. Жакова – известного писателя, поэта, философа, ученого Серебряного века. Его содержание определяется антиномией сознания и жизни, то есть стремлением разрешить противоречие между развитием культуры, цивилизации и органикой жизни человека и природы в составе вселенной. Жаков, как подчеркнула Е.К. Созина, конструирует сотериологический миф, соответствующий логике его философии лимитизма (теории бесконечного предела) и опирающийся на языческие основы религии предков, а равно на принципы космизма, актуализировавшиеся в ту эпоху не только в русской, но и в общеевропейской мысли (от Вл. Соловьева до Т. Де Шардена).

В докладе *А.С. Сваровской* (Томск) «Саморефлексия в поэзии русского зарубежья 1920 – 1930-х гг.» были выявлены устойчивые в поэзии русского зарубежья мотивы и сюжеты, связанные с природой поэтического творчества, с потребностью в национально-культурной самоидентификации в новых координатах эмигрантского существования. Анализировались метафоры поэтического ремесла, лирические коллизии «поэт–читатель», функции стиховедческих терминов и другие составляющие метатекстовых лирических сюжетов.

Первым во второй части утреннего заседания 14 мая прозвучал доклад *И.В. Силантьева* (Новосибирск) «Об одном принципиальном отличии литера-

турного нарратива от исторического». В докладе были последовательно рассмотрены основные категории нарратологического анализа, такие, как точка зрения, факт, событие, нарратив, фабула и сюжет, мотив. Раскрывалась связь нарратологических феноменов события и мотива, было показано, что фабула и сюжет являются системно противопоставленными аспектами интерпретации нарратива как исходной коммуникативной реальности повествовательного произведения. Различие между историческим и литературным нарративом, по мнению исследователя, заключается в том, что событийная канва исторического нарратива образуется как результат осмысления зафиксированных фактов, тогда как событие в литературном нарративе, погруженное в мир вымысла, образуется на основе мотива как основной единицы повествовательного языка литературы.

В докладе *М.Н. Климовой* (Томск) «Об апокрифах древних и новых (Хождение Богородицы по мукам и “Амнистия” Ю.О. Домбровского)» приводилось сравнение стихотворения Ю.О. Домбровского «Амнистия» с его древнерусским источником – апокрифическим Хождением Богородицы по мукам. На этом примере была показана эволюция мифологемы «схождение в ад» в отечественной культуре, а также связи тюремно-лагерного локуса русской литературы с фундаментальным мифом нашего национального сознания – мифом о великом грешнике.

И.И. Плеханова (Иркутск) в докладе «Новая драма XXI века: лирический модус трагического» показала, что интеллектуальное неодионисийство новой драмы XXI в. (бр. Пресняковы, И. Вырыпаев, Ю. Клавдиев, В. Сигарев, отчасти В. Леванов) разрабатывает хтоническую модель трагического без катартического эффекта. Погружение в ужасное и безобразное, безгеройность, дискретное кумулятивное построение действия, отчуждение событийного ряда и речевого текста воспроизводят как смертельный вектор художественного сознания, аннигилирующий смыслы, так и поиск безусловного в условиях онтологической неопределенности. Главная духовная коллизия, указывает исследовательница, – колебание между смертельным и витальным определяет лирический по существу модус современной трагедии.

Завершил утреннее заседание первого дня доклад *Н.В. Ковтун* (Красноярск) «В тени горгоны Медузы, или Сюжет поиска и обретения истины в повести Л. Улицкой “Веселые похороны”», посвященный анализу сюжета о поиске и обретении истины в литературе постпостмодернизма. Автор, как считает Н.В. Ковтун, стремится найти выход из тупика деконструкции, предлагая в качестве альтернативы стратегию новой герменевтики. Тексты Улицкой есть иронический диалог с предшественниками, чьими усилиями оформляется традиция воплощения сюжета поиска истины. Вехами на этом пути стали «Одиссея» Гомера, «Божественная комедия» Данте, «Фауст» Гете, произведения романтиков, «Евгений Онегин» Пушкина, «Идиот» Достоевского и тексты мастеров серебряного века, связанные с идеями софиологии. Повесть «Веселые похороны» финализирует ранний период творчества писателя. Улицкая приглашает читателя к разгадыванию текстов / узоров, созданных художниками, обретению собственного пути, однако, как подчеркнула докладчица, настораживает игривая легкость, с которой обыгрываются разнообразные стратегии творчества, религиозные догматы.

Вечернее заседание 14 мая началось с выступления *А.В. Шункова* (Кемерово) («“Страшный суд” как сюжетобразующий мотив литературы и культуры Древней Руси»). Сюжет «Страшный суд», указал исследователь, является одним из распространенных в европейской литературе и культуре. Его истоки представлены в Новом Завете, богослужебных церковных текстах. В русской литературе XI–XVII вв. сюжет получает распространение и зафиксирован в целом комплексе книжных текстов. В докладе была отмечена особая роль сюжета в формировании одной из черт национального сознания русского человека, ориентированного на эсхатологическое восприятие истории.

В докладе **Е.Ю. Куликовой** (Новосибирск) «К вопросу об эволюции одного экзотического сюжета: “Мадагаскарские песни” Э. Парни и “Малайские пантуны” Ш. Леконта де Лиля» отмечалось, что на рубеже веков (как XVIII – XIX, так и XIX – XX вв.) в искусстве наиболее востребованной становится «экзотическая» тематика, возникает тяготение к литературным мистификациям, направленным на воспроизведение старинной народной поэзии. Исследовательница рассматривала один из экзотических сюжетов, привлекательных для романтической и постромантической литературы: сюжет о дикарке, изменившей своему возлюбленному и погибшей от его руки. Была сопоставлена обработка данного сюжета двумя французскими поэтами: Эваристом Парни, в 10-й «Мадагаскарской песне» описавшим ситуацию измены и мести (1787), и Ш. Леконтом де Лилем, почти на сто лет позже создавшим модернистскую вариацию в «Малайских пантунах» (цикл «Трагические стихотворения», 1884).

К.В. Анисимов (Красноярск) в докладе «“Поистине достоин изучения”. Географическая экзотика в мотивной структуре “крестьянских” рассказов И.А. Бунина (“Ночной разговор” – “Будни”))» на основе реконструкции географических кодов бунинской прозы 1910-х гг. исследовал мотивные репрезентации исторической рефлексии писателя. К.В. Анисимов указал на дублетное соотношение рассказов «Ночной разговор» и «Будни», проанализировал мотивные трансформации от «пространной» («Ночной разговор») к «краткой» версии единого сюжета, установил мотивные связи «крестьянских» рассказов Бунина с культивируемыми художником формами травелогового повествования.

В докладе **Е.В. Капинос** (Новосибирск) «В поздний час Бунина: об одном елецком рассказе» речь шла о тексте, заключающем первую часть «Темных аллей» – о новелле «Поздний час». Сюжет новеллы – возвращение героя в родной город, свершающееся в памяти и в воображении, имеет элегические корни. Город у Бунина не назван, но его описания столь подробны, что по образам Вознесенского собора, Церкви Михаила Архангела, мужского монастыря, гимназии, пожарной каланчи, старого кладбища нельзя не опознать Елец. Почти документальная конкретика описаний не мешает предельно абстрактному, романтическому подтексту рассказа, важнейшие звенья которого – стихотворение В.А. Жуковского «Лалла Рук» и его же «Сказка о царе Берендее». С «Лалла Рук» «Поздний час» объединяет неземной «гений чистой красоты», зажигающий звезду в небе (восходом предутренней звезды Сириус увенчаны кульминация и финал «Позднего часа»), со «Сказкой о царе Берендее» – метаморфозы героини, которая является то рекой, то лесом, то церковью, то ложится «белым камнем» у дороги. Обобщение в одних и тех же картинах сказочного, поэтического и «точного», «документального» дает ощутимый художественный эффект, усиливающийся еще и тем, что в «Темных аллеях» «Поздний час» прочитывается как миниатюрная вариация на темы «Жизни Арсеньева», поскольку рассказ повторяет основные сюжетные звенья романа: детство и юность героя в провинциальном русском городе, ранняя смерть возлюбленной, эмиграция.

Доклад **Е.Н. Проскуриной** (Новосибирск) «Пушкинские, гетевские мотивы в рассказе А. Платонова “Государственный житель”» носил иллюстративный характер в рамках монографической проблемы «Фаустиана Андрея Платонова». Во второй половине 1920-х гг., когда на смену «стихийным силам» революции приходит оформившаяся в «твердое тело» государственно-бюрократическая система, подчеркнута докладчица, на поверхность выступает проблема *личность и государство, человек и власть*, особым образом организующая триаду Платонов-Пушкин-Гете. На идейно-тематический уровень эта проблема выходит в рассказах Платонова конца 1920-х гг., в частности, в рассказе 1927 г. «Государственный житель», входящем, наряду с «Усомнившимся Макаром», написанном двумя годами позже, в автоконтекстуальное пространство повести «Котлован». Актуальность проблемы, обостряющейся в постреволюционный

период, становится объединяющим фактором для названных рассказов Платонова с «Фаустом» Гете и «Медным Всадником» Пушкина, также появившимися после двух революций: Американской (1776) и Французской (1789). На связь пушкинской «петербургской повести» и гетевской трагедии с двумя революциями указывает Р. Шульц в книге «Отзвуки фаустовской традиции и тайнописи в творчестве Пушкина». В докладе Е.Н. Проскуриной анализируются способы межтекстового диалога, выявляются мотивные переключки рассказа Платонова с текстами Гете и Пушкина.

О.Н. Владимиров (Новокузнецк) в своем докладе «“По Эдгару По”: Ворон и его “Никогда” в русской поэзии XX–XXI веков» рассматривал многофункциональность реминисцентно-аллюзивной отзывчивости известной баллады По в оригинальных русских произведениях. В диалоге с Вороном, считает исследователь, герои стремятся вырваться из круга предсказуемых вопросов и ответов. Непреклонность вещей птицы дает возможность так или иначе понимать ее однословный возглас, приходиться к различным, в том числе парадоксальным, художественным решениям.

Доклад **Н.П. Хрящевой** (Екатеринбург) «Интерпретация Стефаниевского мифа в романе Ал. Иванова “Сердце Пармы, или Чердынь – княгиня гор”» был посвящен проблеме «переписывания» Ал. Ивановым истории духовного «окормления» Перми Великой и его функциональный смысл в сюжетно-композиционной структуре романа. В соответствии с данной задачей была проанализирована соотношенность фабульной и сюжетной последовательности просвещения Пермского края епископами-москвитами. В результате наблюдений над характером мифологизации «священных» событий уточнялись жанровые параметры «Сердца Пармы...».

Двумя последними докладами «первого дня» стали выступления зарубежных гостей – **А. Юзефовичь** (Lithuania, Vilnius) («Сюжет текста и живописи: взаимосоотнесенность и автономность») и **Р. Брузгине** (Lithuanian, Vilnius) («Музыкальность литературы: понятие мотива»). Оба сообщения имели междисциплинарную направленность. А. Юзефовичь подняла актуальную в последние десятилетия проблему визуальности. Исследовательница рассматривала различные аспекты отношений между визуальным образом и текстом, уделив основное внимание одному из самых оригинальных и философских художников XX в. – Р. Магритту, особенно его серии картин с трубкой, в которой текст и образ оригинально определяют друг друга. В его работах А. Юзефовичь интересовали новаторские интерпретации отношений между изображением и текстом – сюжетно-мотивная динамика, когда напряжение между словом и образом стали основой его художественных произведений. Докладчица обратилась к интерпретациям двух известных философов М. Фуко и В. Подороги, которые проницательно исследовали творчество Р. Магритта. Кроме того, А. Юзефовичь говорила о проблеме сюжета в литературном и художественном творчестве П. Клее и В. Кандинского.

Доклад Р. Брузгине был посвящен другой области искусства – музыке, ее пересечениям с литературой и литературоведением. Для этой цели в центр исследования было введено понятие мотива. Мотив понимался как основной сегмент темы в компаративистской трактовке музыкальности литературного текста. В докладе использовалась методология компаративистики и семиотики (А. Греймас, К. Настопка, Е. Тараста), интермедиальности (W. Wolf и др.), различные концепции музыкальной формы (H. Riemann, V. Bobrovsky, H. Erpf и др.).

Завершила работу первого дня конференции презентация академического издания «История литературы Урала. Конец XIV – XVIII вв.» (История литературы Урала. Конец XIV—XVIII в. / Глав. ред.: В.В. Блажес, Е.К. Созина. – М.: Языки славянских культур, 2012. – 608 с.: илл.), представленная **Е.К. Созиной**.

Второй день конференции – 15 мая – начался с доклада **о. Д.В. Долгушина**

(Новосибирск) «Полемика об античности между В.А. Жуковским, П.А. Вяземским и Е.Ф. Розеном: к проблеме античных мотивов в русской литературе первой половины XIX в.». Исследователь отметил, что в 1845 – 1846 гг. развернулась эпистолярная полемика между В.А. Жуковским и П.А. Вяземским по поводу античности. Прочитав отрывок Жуковского о переводе «Одиссеи», опубликованный в «Москвитянине» (1845, № 1), Вяземский отправил ему свои возражения, на которые поэт ответил обширным письмом от 3 (15) марта 1846 г., изданным позже в качестве статьи «О меланхолии в жизни и поэзии». К полемике подключился также Е.Ф. Розен: через П.А. Плетнева он прислал Жуковскому свои подстрочные замечания на его письмо к Вяземскому. Предметом спора стал вопрос о применимости к античности категории меланхолии. Вяземский и Розен отстаивали гётовско-шиллеровское (восходящее к Винкельману) представление об античности как об эпохе наслаждения красотой и возвышенного героизма, в которой не было места меланхолии, Жуковский старался проблематизировать это представление. Изучение полемики, как считает о. Д.В. Долгушин, имеет несомненный биографический интерес, позволяет уточнить историю написания статьи «О меланхолии в жизни и поэзии», оно важно для осмысления античных мотивов в русском романтизме, да и в романтизме вообще.

Доклад **М.Ф. Климентьевой** (Томск) «Два литературных путешествия 1833 года» представлял собой сюжетно-мотивное исследование «Фантастических путешествий барона Брамбеуса» О.И. Сенковского и «Путешествия переводчика из дворян Полетаева по России» А.Ф. Воейкова, вышедших в свет в 1833 г. При сравнительном исследовании двух разных текстов, имеющих общую жанровую природу, по мнению исследовательницы, выявляется, во-первых, репрезентативность жанра путешествия в русской литературе; во-вторых, обоюдный полемический характер различных текстов разных авторов; в-третьих, разнонаправленность жанровых усилий писателей-журналистов. Кроме того, исследование путешествий позволило еще раз определить эстетические позиции О. Сенковского и А. Воейкова и их место в истории русской литературы и журналистики.

В докладе **В.К. Васильева** (Красноярск) «Статья И.С. Тургенева “Гамлет и Дон-Кихот” в методологическом аспекте» говорилось о том, что методологические взгляды И.С. Тургенева предвосхищают поиски структурализма XX в. По мнению докладчика, в статье «Гамлет и Дон-Кихот» И.С. Тургенев дал ключ к дешифровке своих художественных текстов, выступив, таким образом, в роли литературоведа-методолога.

Первую часть утреннего заседания 15 мая завершили два выступления о творчестве А.П. Чехова – **Л.П. Якимовой** (Новосибирск) «След Достоевского в повести А.П. Чехова “Невеста”» и **Л.Н. Синяковой** (Новосибирск) «Рассказы А.П. Чехова сахалинского периода “Воры” и “Гусев”»: жанровый и антропологический сюжеты». Доклад Л.П. Якимовой был посвящен одному из самых литературоцентричных, как считает исследовательница, произведений А.П. Чехова. Отношения главных героев повести «Невеста» были рассмотрены как интертекст одной из главных коллизий XIX в., выраженной в формуле «русский человек на rendez-vous», как заключительный акт специфически русской исторической драмы «ухода» под провокативным воздействием «нигилиста», «пропагандиста», революционера. По мнению Л.П. Якимовой, отчетливое ощущение бесовского заряда утопических проектов Саши усиливаются благодаря сопряжению чеховского текста с образной системой Достоевского – прежде всего романа «Бесы». По существу, подчеркнула докладчица, все программные высказывания чеховского героя, адресованные Наде, складываются в своего рода концентрированный парафраз главы «У наших» из романа «Бесы».

В докладе Л.Н. Синяковой анализировались два рассказа А.П. Чехова 1890 г., которые можно считать обрамляющими «сахалинский текст» писателя. Оба рассказа, опубликованные по календарным поводам (Пасха и Рождество), формально удовлетворяют жанровым требованиям календарной прозы. Главным в обоих календарных рассказах Чехова становится сюжет не о празднике, а о человеческой неприкаянности, считает исследовательница: человек оказывается важнее «сюжета»; индивидуализация сюжетных мотивов (общее становится персональным и исключительным опытом) и исследование иррациональной конституции человека выводят чеховский рассказ за пределы жанра, свидетельствуя о его заметной (коренной) модификации в литературе «конца века».

После перерыва утреннее заседание 15 мая продолжил доклад **Е.Ю. Васильевой** (Томск) «Элегическая доминанта повествования (по повести Л.Н. Толстого “Детство”»». Исследовательница указала, что исключительная сосредоточенность Л.Н. Толстого на воссоздании картины душевной жизни героя в процессе его общения с миром, сами принципы психологического анализа восходят к сентиментальным традициям, в частности, к такой особенности поэтики, как музыкальная организация текста, включающая в себя понятия тона и сквозных мотивов. Структура и поэтика первого завершенного произведения позволяют обратить внимание на проблему нравственного воспитания личности. Используя опыт писателей-сентименталистов, рассматривая повесть в широком литературном контексте, Л.Н. Толстой разрабатывает приемы повествования, необходимые ему для воплощения своей философской концепции развития нравственного начала человека.

В своем докладе «Жизнеописание приходского священника в российской беллетристике второй половины XIX века: система сюжетобразующих мотивов» **С.В. Мельникова** (Пермь) показала, как тема православного духовенства начинает активно разрабатываться российской беллетристикой на фоне церковной реформы 1860-х гг., вынесшей его положение на широкое общественное обсуждение. Однако беллетристика, отметила исследовательница, как правило, не идет дальше бытописания духовного сословия, которое привлекает ее своей замкнутостью и традиционностью жизненного уклада. Своим героем литераторы избирают преимущественно сельского приходского священника и воссоздают обобщенно-стереотипный образ его судьбы, который реализуется в системе устойчивых сюжетобразующих мотивов. В докладе раскрывались исторические и социальные истоки этих мотивов, описывалась их реализация в произведениях разных авторов. Помимо текстов самих произведений, к анализу были привлечены критические отзывы на них в церковной прессе того времени.

В докладе **В.Е. Головчинер** (Томск) «Трансформация мотивных комплексов “истинного правителя” и “договора человека с дьяволом” в русской драме 1920-х годов» были представлены особенности разработки двух известных мотивов, исследованных Е.К. Ромодановской и О.Д. Журавель на материале древнерусских повествовательных текстов, в драматургических формах 1920-х гг. («Любовь Яровая» К. Тренева, «Шторм» В. Билля-Белоцерковского, «Мандат» и «Самубийца» Н. Эрдмана, «Клоп» В. Маяковского).

О.Н. Русанова (Томск), выступившая с докладом «Мотив настоящего человека в творчестве Е. Шварца», отметила, что Е. Шварц известен, в первую очередь, как писатель-сказочник, интерпретирующий известные литературные и фольклорные сказочные сюжеты и мотивы. Однако, подчеркнула исследовательница, авторская позиция во многом формулируется благодаря мотивам собственно шварцевским, оригинальным. В докладе мотив настоящего человека, по-разному проявляющийся в произведениях Шварца 1940–50-х годов, был осмыслен в контексте официальной советской риторики.

Г.И. Карпова (Кемерово) в своем выступлении «Мотив суда в поэме В.Д. Федорова “Седьмое небо”» рассматривала поэму В.Д. Федорова «Седьмое

небо» (1959–1967) в аспекте мотивного анализа с выделением мотива суда в эпическом (историческом) и лирическом (любовном) сюжете поэмы. Мотив несправедливого суда, по мнению автора доклада, реализован в историческом сюжете поэмы и связан с темой сталинских политических репрессий: трагические судьбы брата Василия Горина Андрея, учителя музыки Марьяны, авиаконструктора Владимира Петлякова и самого автора-героя поэмы. В лирическом сюжете поэмы «Седьмое небо» мотив суда осложнен мотивом мщения (месть Бориса, Василия, Дины). Значим для осмысления мотива суда религиозный подтекст поэмы, оппозиция Небесного и земного. Духовное становление Василия Горина связано с уходом от суда над ближними и осознанием своей греховности. Путь познания мира и процесс самопознания, указала Г.И. Карпова, дает возможность обрести «крылатость» и открывает путь к «седьмому небу».

Вечернее заседание 15 мая открыл доклад *Е.Е. Анисимовой* (Красноярск) «Юбилей В.А. Жуковского 1883 и 1902 гг.: специфика биографического нарратива в историко-культурном контексте». Исследовательница анализировала стратегии канонизации В.А. Жуковского в период празднования его юбилеев (100-летия со дня рождения и 50-летия со дня смерти), заключающиеся в создании особого рода юбилейных нарративов, мифологизации биографии поэта, внедрении образа Жуковского в «персональные» истории отдельных изданий и определяющих их политику лиц. Объектом изучения стали рассмотренные в историко-культурном контексте рубежа XIX – XX вв. документальные свидетельства об официальных торжественных мероприятиях, «юбилейные» отклики в отечественной прессе и выпущенные к круглой дате монографические работы о Жуковском.

А.Н. Полосина (Ясная Поляна) обратилась в своем выступлении «История западноевропейских сюжетов в творчестве Шиллера, В.А. Жуковского и Л.Н. Толстого» к интересующей Шиллера, В.А. Жуковского и Л.Н. Толстого теме бренности земного существования, непостоянства счастья и тщетности человеческих надежд. По мнению автора доклада, так появляется у вышеназванных авторов особое внимание к легенде о Поликратовом перстне историка Геродота и к «Притче св. Варлаама о временном сем веще». В докладе рассматривались первоисточники этих бродячих сюжетов и их трактовка в творчестве Шиллера, В.А. Жуковского и Л.Н. Толстого.

В выступлении *Э.И. Худошиной* (Новосибирск) «Неоформленные жанры фольклора в поэтической культуре XIX в.» речь шла о том типе повествования, которому в архаической модели «круговорота общения» (по Ю.С. Степанову), соответствует «Знание по рассказам» и образ Молвы / Славы. Архаические модели, подчеркнула исследовательница, поскольку они заложены в языке, могут всплывать из глубин языкового сознания и подвергаться рефлексии не только в теоретических штудиях, но и в поэтическом творчестве. Так в первой половине XIX в. интерес к «народности» актуализировал многие древние понятия, вводя в высокую поэзию образы речевых, а вместе с ними и «неоформленных» фольклорных жанров (молва, слухи, сплетни, предания, были, легенды и т.п.), а отсылка к молве стала обязательной мотивировкой сюжета как в прозаических, так и в стихотворных повестях. Сосуществование в поэтическом языке эпохи двух типов Знания: «высшего», «пророческого», «гностического», изначально ассоциирующегося с высокой Поэзией, и сугубо человеческого, неопределенного, релятивизирующего Знания по рассказам оказалось мощным инструментом художественной выразительности, и некоторые поэты умели им воспользоваться. Пушкин, соединяя в одном тексте «поэзию» и «прозу», добивается невиданной смысловой неокончателности и, как следствие, глубины в таких шедеврах, как повести «Медный всадник» и «Пиковая дама».

Завершили вечернее заседание второго дня выступления молодых ученых из Новосибирска, Иваново, Москвы, Неаполя. *А.Д. Савина* (Москва) в своем

сообщении «Сюжетная игра в малой прозе В. Брюсова (на материале рассказа “Защита”») отметила, что в последние годы возрастает интерес к малой прозе символистов, в частности, к новеллистике В.Я. Брюсова. В центре внимания автора доклада оказался рассказ Брюсова «Защита», вошедший во второе издание сборника «Земная ось». По мнению исследовательницы, обращаясь к жанру святочного рассказа, далеко не всегда относимому к высокой литературе, Брюсов основным принципом его переосмысления делает иронию. Ирония достигается с помощью формальной игры, основанной на многоуровневом повествовании и обыгрывании сюжетов и образов очень разных произведений («Каменный гость», «Повести Белкина», «Граф Нулин» Пушкина, новелла «Вера» Вилье де Лиль-Адана). При этом подтекстом «Защиты» становится игра с категориями истины и лжи, в чем можно увидеть отражение брюсовской концепции множественности истин.

В центре доклада *А.А. Ильясовой* (Новосибирск) «“Баллада” (“Пять коней подарил мне мой друг Люцифер...” и “Заблудившийся трамвай” Н. Гумилева: жанровый динамизм) была поставлена проблема трансформации жанра баллады в стихотворениях Гумилева. Исследовательница рассмотрела особенности художественного хромотопа анализируемых текстов.

Доклад *Р. Компарелли* (Неаполь, Италия) «Поэтика визуальности в лирике Б. Поплавского» был посвящен обозначению визуального кода в поэзии Б. Поплавского. Особое внимание уделялось функции колористической гаммы в оформлении лирической темпоральности, также изучались особенности экфрастических лирических сюжетов.

В двух последних докладах были представлены анализы произведений французской литературы: «Образ истории и романическая увлекательность в трилогии о мушкетерах А. Дюма» (*П.А. Макарова*, Москва) и «“Новый” сюжет в произведениях Н. Саррот» (*Е.Б. Воронина*, Иваново). П.А. Макарова в своем сообщении говорила о трилогии о мушкетерах А. Дюма как о примере исторического романа, где историко-культурные детали и подробности истории сочетаются в повествовании с романической увлекательностью. Исследовательница размышляла, какой образ истории создает Дюма в романах, какие приемы использует для создания этого образа, каково значение введения исторических фактов в роман, их трансформации, соединения исторических событий прошлого и аллюзий с современностью. Анализ трилогии в данном контексте, по мнению П.А. Макаровой, позволяет выделить среди особенностей исторического романа Дюма такую: по мере своего развития, не теряя других функций, присущих данному жанру, он становится носителем собственно романического интереса, увлекательным жанром с чертами популярной беллетристики.

Материалом для выступления Е.Б. Ворониной послужили тексты представительницы «нового романа» Н. Саррот, которая провозглашает устаревшими основные категории романа бальзаковского типа. Отвергая его традиционные категории – персонаж-характер, сюжет-интригу и образ всеведущего автора, – писательница создает поэтику нового типа. Сюжет в ее произведениях не представляет собой рассказа о жизни героя и становлении его характера, поэтому с точки зрения поэтики XIX в. отсутствует. Однако фиксация внутренних состояний личности, которая является основой художественного метода Саррот, подчинена единой линии движения текста, построенного на ассоциативном характере мышления.

16 мая заседания, проводившиеся в Институте филологии СО РАН, были разделены на две секции.

Первая часть утреннего заседания секции № 1 была отведена специалистам по древнерусской литературе и литературе XVIII в. Предметом исследования *Л.И. Журовой* (Новосибирск) (доклад «Путь и движение в древнерусских

легендарных сказаниях») стали сюжеты средневековых сказаний об иконах, основанных на мотиве путешествия сакрального предмета. На разграничении понятий «путь» и «движение» определялись некоторые особенности функционирования этих концептов в построении легендарных сюжетов. Исследовательницей был поставлен вопрос о христианской символике воды и воздуха.

В докладе **Т.И. Ковалевой** (Новосибирск) «Видения в повествовательной структуре памятников древнерусской литературы (Киево-Печерский патерик и Житие Александра Свирского)» сопоставлялись два сюжета, входящие в состав агиографических сочинений разного типа. В данные сюжеты, как было отмечено в выступлении, включены видения, имеющие противоположное содержание: в одном описывается видение бесов в образе ангелов и беса в образе Христа (видение Исакия Печерника из Слова об этом святом в Киево-Печерском патерике, XIII в.), в другом – видение святой Троицы (видение Александра Свирского из его Жития, XVI в.). Анализируя названные сюжеты, Т.И. Ковалева сделала попытку выявить механизмы повествования, с помощью которых средневековый автор «инкрустирует» видения в ткань сочинений.

Доклад **Л.А. Курышевой** (Новосибирск) «Топонимическая легенда о Волхове в русской историографии второй половины XVIII в.: к истории формирования методологии исторической науки» был посвящен вопросу интерпретации легендарного материала в русской историографии второй половины XVIII в. На материале топонимической легенды о Волхове рассматривался научный подход В.Н. Татищева, Г.Ф. Миллера, М.В. Ломоносова и М.М. Щербатова. Л.А. Курышева пришла к выводу, что на ломоносовскую интерпретацию летописной легенды о превращении Волхова в крокодила повлияла художественная теория применения языческой мифологии в качестве поэтического тропа.

В выступлении **Е.Ю. Поселеновой** (Кемерово) «Мотив греха в повести Н.М. Карамзина “Бедная Лиза”: этический и эстетический аспекты» основное внимание было уделено поэтике повести Н.М. Карамзина «Бедная Лиза» в аспекте отражения нравственных моделей в художественной организации произведения. Мотив греха осмыслялся как с позиции сентименталистской эстетики, так и в аспекте христианского мировоззрения. Традиционное прочтение повести через ряд сентименталистских оппозиций подверглось переосмыслению.

Материалом исследования **Т.А. Драгайкиной** (Новосибирск) «Отечественная история в восприятии поэта-сентименталиста: “Грановитая палата” Н.М. Кугушева» стала малоизученная поэма «Грановитая палата» (1808) Н.М. Кугушева, который еще до публикации «Истории государства Российского» Н.М. Карамзина предпринял попытку популяризировать отечественную историю, изложив ее в поэтической форме. Данное произведение представляет собой яркий пример художественного осмысления прошлого в рамках культурной парадигмы определенного времени. Т.А. Драгайкина рассматривала повествовательные стратегии автора, стремящегося воссоздать подлинные события, опираясь на летописные источники, и в то же время интерпретирующего их в соответствии с мировосприятием «чувствительного человека» начала XIX в.

Во второй части утреннего заседания первой секции были представлены доклады специалистов по литературе и искусству XIX – XXI вв.

Н.Ю. Бартош (Новосибирск) в своем докладе «Модификации сюжета “Фауста” Гете в литературе и искусстве конца XIX – начала XX вв.» говорила об обращении искусства конца XIX – начала XX вв. к мифу, отметив, что в модерне происходит своеобразная ревизия так называемых «вечных» литературных сюжетов и персонажей (Гамлет, Дон Кихот, Дон Жуан, Кармен и проч.), проявившихся в XVI – XIX вв., в эпоху «демифологизации». Не избегает, как считает докладчица, подобного переосмысления и легенда о докторе Фаусте. В литературе рубежа веков к сюжету «Фауста» первым обращается О. Уайльд в романе «Портрет До-

риана Грея», за ним следуют немецкие и русские писатели. Музыкальная европейская фаустиана середины XIX в. во многом определяет образный и драматический строй как литературных, так и живописных работ эпохи. Как в литературе, в музыке и живописи модерна происходит глобальное переосмысление сюжета Фауста. Главным в фаустовском сюжете становится Женское начало. Н.Ю. Бартош приходит к выводу, что архетипический сюжет, священный брак героя с Вечно Женственным началом, переводит действие с мелодраматического на мифологический уровень, придает образам как общечеловеческий, так и иератический статус.

В выступлении **О.А. Мамонтовой** (Томск) «Мотивный комплекс “переселение” и амбивалентный хронотопический образ Сибири в цикле Н.Д. Телешова “Переселенцы”» был предпринят анализ цикла рассказов Н.Д. Телешова «Переселенцы» с точки зрения мотивного комплекса «переселение» в аспекте сюжета и структуры. Данный мотив в произведении Телешова, считает автор доклада, вступает в сложное взаимодействие с семантикой Сибирского хронотопа в контексте русской литературы и культуры рубежа XIX – XX вв. Мотив «переселения» писатель погружает не в документально-публицистический, а художественно-эстетический дискурс, что способствует актуализации архетипической семантики мотива и соотносит его с переселенческим концептом, интенсивно формирующимся в русской культуре рубежа веков.

В докладе **И.В. Ащеуловой** (Кемерово) «Сюжет поиска народом правды как осуществление мечты о рае на земле в прозе В. Шарова» на материале романов «След в след», «Репетиции», «Мне ли не пожалеть...», «До и во время», «Старая девочка», «Воскрешение Лазаря», «Будьте как дети» прослеживался один из центральных сюжетов прозы В.А. Шарова. Была сделана попытка выделения и анализа структурных элементов, из которых выстраивается сюжет поиска правды: расхождение народа и власти в любой исторической ситуации; тяготение народа к традициям, вере, терпению; тяготение власти к революционности, приводящей к гражданской войне; повторяемость и тупиковость отношений народа и власти в русской истории; поиск правды как стремление народа к утопичности и эсхатологизму; историософская концепция В. Шарова.

Е.А. Тетерина (Томск) в своем выступлении «Прагматика мотива игры в драматургии А. Шипенко (на материале пьес “Смерть Ван Халена” и “Игра в шахматы”»)» поставила вопрос о применимости категории мотива к драме. Целью доклада было выявление специфики драматургического мотива – в общем – и исследование прагматики мотива игры – в частности – на материале двух пьес А. Шипенко «Смерть Ван Халена» и «Игра в шахматы».

Вечернее заседание первой секции началось с выступления **Е.В. Сафоновой** (Новосибирск) «“Таинственный” посетитель как элемент системы мотива “таинственного посещения” на примере лирических стихотворений В.А. Жуковского». В докладе рассматривался один из ключевых элементов системы мотива «таинственного посещения» – таинственный гость. Будучи отражением внутреннего мира лирического героя, считает Е.В. Сафонова, «посетитель» выявляет особенности мотива в текстах одного автора, кроме того, анализ системы мотива дает возможность осмысления его модификаций у других авторов.

А.А. Богодерова (Новосибирск) («Варианты сюжетной ситуации ухода, связанные с социальной проблематикой, в русской литературе второй половины XIX века») изучала сюжетные ситуации, связанные с личностным выбором, или отражающие социальные процессы Российской империи во второй половине XIX в. Исследовательница выделила 2 группы мотивов (выход из сословно-корпоративной среды и выход из социума) и отметила, что внефабульные компоненты сюжетной ситуации ухода (изменение внутреннего мира) имеют свою специфику в произведениях о крестьянах и рабочих. Материалом доклада послужили произведения русских авторов второй половины XIX в.: И.А. Левитова, П.В. За-

содимского, С. Каронина, Г.И. Успенского, Ф.М. Решетникова, И.А. Эртеля, П.Д. Боборыкина, В.М. Гаршина, Д.Н. Мамина-Сибиряка.

Е.В. Саженина (Новосибирск) в своем выступлении «Лирическая событийность в сюжете поэмы Н.А. Некрасова “Кому на Руси жить хорошо”» размышляла о соотношении лирического и эпического вариантов сюжета поэмы Н.А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо». Медитативные элементы лиро-эпического текста, подчиненность точек зрения героев кругозору лирического автора-повествователя, а также формирование лирического голоса, по мнению автора доклада, дают повод говорить о возникновении в поэме лирического события наряду с эпически значимым пересечением пространственно-семантических границ. Категория лирической событийности в тексте с подобием сюжетного развития очень актуальна для интерпретации поэзии Н.А. Некрасова, отличающейся псевдонарративным характером. Перед нами, подчеркнула Е.В. Саженина, сугубо некрасовский способ вовлечения читателя в лирический дискурс – испытание, которое заключается в поиске подлинной поэзии создающегося на наших глазах текста.

В докладе **Н.А. Непомнящих** (Новосибирск) «Мотив шествия в романах Л.М. Леонова» были рассмотрены варианты образа шествия в романах Л.М. Леонова, а также традиции, повлиявшие на характер его авторской трактовки: картины Брейгеля, элементы иконографии, литературные аллюзии.

В своем выступлении **И.С. Полторацкий** (Новосибирск) («Генезис шорской поэзии в контексте младописьменных литератур Сибири») сделал попытку проанализировать историю становления шорской младописьменной литературы в контексте развития младописьменных литератур Сибири. Докладчик обратился к современной шорской поэзии, ее типологическим особенностям и положению в глобальном историческом контексте сибирской и русской литературы.

Утреннее заседание 16 мая секции № 2 состояло из докладов молодых ученых сибирского региона – Новосибирск, Томск, Кемерово, Барнаул. Первым прозвучало сообщение **Л.Н. Боткиной** (Кемерово) «Семантика мимики и жестов героев романа А.С. Пушкина “Евгений Онегин”». Исследование семантики мимики и жестов героев романа А.С. Пушкина «Евгений Онегин», по мнению докладчицы, практически не привлекало внимания пушкинистов. На фоне непринужденной «болтовни» автора герои часто оказываются молчаливыми. Отсутствие речевых характеристик, как было отмечено в выступлении, вовлекает читателя в диалог не только со словесно выраженными компонентами текста, но и с невербальными средствами описания героев.

В докладе «Мифологема горы в поэме М.Ю. Лермонтова “Измаил-Бей”» **А.Д. Семенов** (Кемерово) речь шла о том, что мифологема горы – базовый компонент авторского мифа о Кавказе М.Ю. Лермонтова. В рамках данной концепции была проанализирована поэма «Измаил-Бей».

В выступлении **А.Л. Калашниковой** (Кемерово) «Душа и море: динамика лирической ситуации в лирике Ф.И. Тютчева 1850–1860 гг.» было прослежено развитие лирической ситуации взаимодействия души с морским миром в лирике Ф.И. Тютчева 1850–1860 гг., рассмотрены возможные источники происхождения слияния души с морем, архетипическая основа данного мотива, сделаны выводы о потенциальных причинах переосмысления мотива в более поздних стихотворениях (1860-е гг.). Лирическая ситуация «душа и море» была увидена в контексте целостного осмысления образа души в художественном мире поэта.

В докладе **А.Е. Козлова** (Новосибирск) «Событие в провинциальном сюжете русской литературы XIX века» событие анализировалось как нарративно значимый элемент провинциального сюжета. На материале русской литературы и беллетристики XIX в. исследовалась событийность художественных текстов, указывалось на взаимосвязь провинциального хронотопа и сюжетов. Изучение основных литературоведческих концепций, связанных с событием и событийностью

(В. Шмид, Ю.М. Лотман, Н.Д. Тамарченко), позволило установить особенности реализации провинциального сюжета.

В своем докладе «Мотив жертвы в переводах И.Ф. Анненского из Леконта де Лиля» **Н.М. Алёхина** (Томск) сделала акцент на том, что французский поэт-парнасец Ш. Леконт де Лиль был фигурой всегда привлекательной для И.Ф. Анненского, в первую очередь, как переводчик античного наследия и продолжатель «эллинской мечты» французской культуры. Работая над переводами лирической части творчества Леконта де Лиля, отмечает исследовательница, русский поэт будто «отворачивается» от античности, представляя читателю совершенно иного, скорее всего, почти неизвестного француза, главу парнасской школы. Анненским показан культурный веер в поэзии Леконта де Лиля, и важно, что для переводов Анненский выбирает стихотворения и поэмы с драматургической составляющей, где четко прослеживается мотив жертвы. Н.М. Алёхина в своем сообщении провела анализ такой стратегии выбора с привлечением творчества Анненского.

В докладе **Е.А. Сафоновой** (Томск) «Мотив пути в ранней лирике Николая Оцупа» был рассмотрен мотив пути в лирике поэта первой волны русской эмиграции Н. Оцупа, проанализированы стихотворения, входящие в первые сборники Оцупа, «Град» (1921) и «В дыму» (1926), а также поэма «Встреча» (1928). Мотив пути, полагает Е.А. Сафонова, реализуется через мотивную парадигму: «дорога – поиск жизненного пути». Лирическим лейтмотивом раннего творчества поэта становится духовный путь к Богу, дорога через преграды и дым к Свету.

В докладе **С.К. Пестерева** (Томск) «Сюжет политического убийства в очерках М. Алданова 1920–1940-х годов» была сделана попытка выявить способы воплощения устойчивых в корпусе очерковых текстов М. Алданова сюжетов политического убийства («Убийство Урицкого», «Убийство графа Мирбаха», «Взрыв в Леонтьевском переулке»). С.К. Пестерев анализировал природу алдановского документализма, систему персонажей, субъектную организацию, смысл сопряжения исторических событий и художественных текстов. Семантика избранного сюжета была увидена в координатах алдановских историософских построений.

Доклад **Т.В. Сараевой** (Кемерово) «Мотив чуда в лирике А.С. Штейгера» был посвящен лирике А.С. Штейгера. Анализ стихотворений («Бывает чудо, но бывает раз...», «Все писали стихи...», «У нас теперь особый календарь...», «Может быть, это лишь заколдованный круг...» и др.) из итогового сборника «2x2=4» позволил автору доклада утверждать, что мотив чуда является одним из ключевых мотивов лирической системы поэта, соотносясь с такими мотивами, как надежда, отчаяние, любовь, болезнь, вера, сон и др. Кроме того, считает Т.В. Сараева, мотив чуда актуализирует обращение А. Штейгера к жанровой форме литературной молитвы.

А.Д. Негреева (Барнаул) в своем сообщении «К вопросу о нарративности лирического текста (на материале поэзии И. Бродского)» говорила о проблеме лирического сюжета в текстах Бродского. Сюжет был проанализирован в интертекстуальном аспекте, также рассматривался ритмический сюжет; выявлялось основное событие, вокруг которого строится сюжет лирики Бродского – событие изгнания / возвращения. Обнаружение групп текстов, строящихся вокруг одного ритмического и лирического сюжета, по мнению автора доклада, позволяет говорить о формировании метасюжета в лирике Бродского.

В выступлении **Л.С. Стариковой** (Кемерово) «Мотив чуда в цикле рассказов В. Шаламова “Воскрешение лиственницы”» рассматривался мотив чуда как феномена природы, феномена духовного мира человека в рассказах Шаламова «Тропа», «Графит», «Экзамен», «Укрощая огонь», «Воскрешение лиственницы» и др. Описывая ужас колымского, лагерного мира, Шаламов, тем не менее, выделяет чудо как момент осознания бессмертия души, момент духовного воскрешения, утверждает автор доклада.

Вечернее заседание секции № 2 открыл доклад *А.Е. Шумахер* (Новосибирск) «Жанр баллады в творчестве И.И. Дмитриева». Жанровые особенности баллад Дмитриева были выявлены через анализ их мотивной структуры, образного и стилистического строя; также анализировались доминирующие символические мотивы, являющиеся общими для всех баллад поэта.

О.А. Тризно (Томск) в своем выступлении «Мотивная структура и семантика сюжета “путешествие во Францию” в русской литературе XVIII в.» предприняла попытку анализа текстов, связанных на уровне сюжета или мотива с путешествием во Францию, с целью выявить семантические константы, образующие концептуальную модель такого путешествия. В докладе было указано на взаимосвязь этой модели с представлениями о Франции и о Западе вообще в русской культуре XVIII в. Взгляд на литературный образ Франции через призму семантики путешествия – от безавторской «Истории об Александре, российском дворянине» до «Писем русского путешественника» Н.М. Карамзина – позволил автору доклада обнаружить любопытную закономерность в развитии данного образа на протяжении XVIII столетия.

В своем докладе «Автономная “двойчатка”: композиция микроцикла “Два письма” (книга Б. Пастернака “Темы и вариации”» *К.В. Абрамова* (Новосибирск) обратилась к композиции микроцикла «Два письма», входящего в цикл «Нескучный сад» в книге стихов Б. Пастернака «Темы и вариации». Исследовательница проанализировала темы и мотивы стихотворений микроцикла, а также место «Двух писем» в композиционной структуре всей книги стихов в целом, уделив особое внимание тому, как из-за особенностей композиции микроцикл «Два письма» выделяется в цикле «Нескучный сад», становится обособленным, автономным. Но в то же время, указывает автор доклада, с помощью повторения тем, мотивов и образов в их различных вариациях образуется тесная взаимосвязь «Двух писем» со многими стихотворениями «Тем и вариаций» по «живописной» фактуре стиховой ткани, по манере быстрой смены сцен, отражающихся друг в друге и перекликающихся между собой не только в рамках отдельного текста, но и в рамках микроцикла, цикла, книги в целом.

В докладе *Г.М. Васильевой* (Новосибирск) «“Квартирный вопрос” в романе М. Булгакова: история предполагаемого контекста» речь шла об эффекте скрытой цитации, даже если сами ассоциации неотчетливы. Булгаков использует ключевые слова обобщенного прототекста как цитаты идиостиля: «квартирный вопрос», «квартирно-героический эпос», «травматическая поврежденность» («не суть те, которые причиняет трамвай»), дерби, и т.д. Писатель имеет в виду не конкретный текст, а его модель. Она представлена в журналах XIX–начала XX в., в рубриках «Философия Мефистофеля», его «Советы», «Соль премудрости», «Изь думь Мефистофеля», «Думка Мефистофеля», «Каламбурь Мефистофеля», «Идейка Мефистофеля». Эпиграф к роману «Мастер и Маргарита» можно прочитать и осмыслить в данном контексте, подчеркнула исследовательница.

Доклад *В.А. Боярского* (Новосибирск) «Человек толпы на ночных дорогах: Э.А. По и Г. Газданов» был посвящен рассмотрению гипотезы о влиянии новеллы «Человек толпы» По на документальный роман Газданова «Ночные дороги».

В работе конференции заочно участвовали гости из разных городов России со стендовыми докладами: *И.А. Манкевич* (Санкт-Петербург) («“Литературные одежды” как текст: мотив, сюжет, функция»), *О.Е. Рубинчик* (Санкт-Петербург) («Серебряный век – “полуслучайный недотермин” или удачная метафора?»), *О.А. Бердникова* (Воронеж) («Сюжет “бегства от Бога” в лирическом творчестве А. Блока: к вопросу о духовном пути поэта»), *Н.В. Налегач* (Кемерово) («Поэзия обнаженной совести» и традиции И. Анненского в лирике поэтов “парижской ноты”»), *Н.Г. Медведева* (Ижевск) («“Стелы и надписи”: “театр вещей и изображений” и поэтика слова»), *Е.И. Балакина* (Барнаул) («Смысловые метаморфозы и-

куства и жизни в поэме Марка Юдалевича “Крутояры”»), **Е.Н. Рогова** (Кемерово) («Мотив творчества и его функция в рамках художественной целостности романа М. Шишкина “Письмовник”»), **А.М. Лобин** (Ульяновск) («Великая Отечественная война как сюжет современной исторической фантастики»).

В финале конференции были подведены итоги и намечены планы дальнейшего сотрудничества. И гости, и организаторы конференции пришли к выводу, что широта и вместе с тем определенность и конкретность тематических направлений научных заседаний способствовали тому, что выступающие могли представить доклады, связанные как с исследованием сюжетов и мотивов лирических, драматических и эпических произведений русской и европейской литературы (И.Л. Багратион-Мухранели, А.С. Сваровская, К.В. Анисимов, Л.И. Журова, Е.Ю. Куликова, А.Н. Полосина, А.В. Шунков, А.Д. Савина, Е.Б. Воронина, А.Е. Козлов, К.В. Абрамова и др.), так и с проблемой сферы взаимодействия литературного и исторического повествования (Е.К. Созина, И.В. Силантьев, Г.М. Васильева, Е.В. Капинос, Е.Н. Проскурина, С.В. Мельникова, Е.Е. Анисимова, Л.А. Курышева, Т.А. Драгайкина, П.А. Макарова, Т.И. Ковалева, О.А. Мамонтова и др.), особенностей эволюции жанров и нарратологическими аспектами в литературоведении (И.И. Плеханова, Э.И. Худошина, Л.П. Якимова, М.Н. Климова, Л.Н. Синякова, Е.Ю. Васильева, А.А. Ильясова, А.Д. Негреева и др.). Теоретические доклады сочетались с выступлениями по истории литературы, что создавало филологический «объем» и возможности конструктивного взаимодействия.